

Theatre and Music. Rus[skiy] Ved[omosti], 1910, April 7, no. 79, p. 3.

Театр и музыка, Рус. вед. 1910. 7 апреля, № 79. С. 3.

Quoted in Val'kova, S. V. Rachmaninoff: Chronicle of Life and Works, vol. 2, p. 478

The program for the Philharmonic Society's extraordinary symphony meeting (Sunday, April 4, Great Hall of the Noble Assembly) was dedicated to the works of Sergei Rachmaninoff. The originally announced program for this concert underwent significant changes, which greatly diminished its appeal. Firstly, both the symphonic poem "Cliff" and the cantata "Spring," replaced by the Second Symphony (in E minor), which has been performed frequently in recent years, had not appeared in our concert programs for a long time, while "Spring" had only been performed once, so hearing them would have been very interesting; secondly, these two works, along with the symphonic poem "Isle of the Dead" and the new piano concerto (in D minor, Op. 30) would have provided an excellent picture of the development of our talented composer's talent.

The symphonic poem for Böcklin's painting "The Isle of the Dead" is scattered with a mass of harmonic beauty; it is beautifully and colourfully instrumented, but we will not find in it Böcklin's peace of death: the very first phrase of the strings, gradually expanding and forming the main basis of the poem, bears a tint of activity, the imprint of deep sorrow and sighs. But if we put Böcklin aside, this poem must be called extremely successful. Even better, even more heartfelt is Rachmaninoff's new, third piano concerto. Here the best sides of his work are vividly reflected: sincerity, simplicity and clarity of musical thought. Riches of harmony and counterpoint, nowhere jarring on the ear, for the entire fabric of this work develops freely and smoothly; freshness of inspiration, not striving to open up new paths. A clear, laconic form and simple yet vibrant instrumentation are the qualities that ensure Rachmaninoff's new work both external success and the enduring love of musicians and the public. A lover of novelty will also be satisfied, because the first movement, *Allegro ma non tanto*, is originally conceived: here there is none of the usual opposition of two main contrasting themes in sonata form; both main themes are imbued with an elegiac and at the same time bright mood, which Rachmaninoff succeeds in so successfully. The entire first movement is sustained in soft, warm tones; both themes are simple, clear, heartfelt, and their development is logical and does not suffer from pretentiousness or artificiality.

Rachmaninoff's first, youthful concerto is written in the style of a virtuoso concerto, where the piano and orchestra are opposed to each other; his second concerto is written as if for an orchestra, and the piano here received the role of only the first, main instrument; The new concerto is written for the piano, with the orchestral part receding into the background; moreover, almost everywhere—except for the conclusion—the orchestral colours are muted and veiled. The form of the first movement is quite flexible and does not suffer from the now-common cumbersomeness that Rachmaninoff also did not avoid in his piano sonata and second symphony. In the second movement, an *intermezzo*, the prevailing mood is also calm and elegiac, but here there is more life, more uplift. The orchestra and piano still rarely combine; the piano part, presented in Rachmaninoff's broad style, is scattered with a wealth of colour, but apparently presents many difficulties for the performer, stemming both from the broad style of writing and from Rachmaninoff's habit of providing beautiful contrapuntal flourishes. The finale is march-like, with a grandiose rise in the final major key. On the concert stage, this musically beautiful, rhythmically vibrant, and most effectively presented finale should be a great success. However, at the first performance and after the poetic first

movement, there was considerable applause, and after the concert, the composer, who had played it superbly, received a standing ovation. The overall impression, of course, would have been greatly enhanced if the orchestra had flowed more harmoniously and rhythmically, but given that conductor Mr. Plotnikov only recently received the composer's manuscript, some shortcomings must be tolerated. "The Isle of the Dead"¹ and the symphony were conducted by the composer himself, and in his rendering, the symphony left an immeasurably better impression than in A. Nikisch's performance two weeks earlier. Nikisch's Allegro molto (scherzo) and the final Allegro vivace were far more brilliant, but he did drag out the tempos of the introduction (Largo), first movement, and Adagio. And since these movements, despite the magnificent musical ideas underlying them, are somewhat (even very much!) drawn out, Nikisch found them tedious. Moreover, Rachmaninoff, while successfully highlighting the astonishingly beautiful details of harmony, orchestration, or the deft play of counterpoint, reconciles them with the lengths, conceals them... Rachmaninoff was warmly received throughout the evening, which is, of course, very understandable and natural: the sincerity of his work, the freshness of his talent, combined with a mastery that is never selfsufficient or ostentatious, always attract the sympathy of both the general public and musical specialists, and the newly performed concerto will undoubtedly take a prominent place in the wreath of Rachmaninoff's creativity. G. P. [G. Prokofiev]

1 At that time, this was the common name for S. V. Rachmaninoff's symphonic poem "Isle of the Dead."

[Translation: Google]

Программа экстренного симфонического собрания (воскресенье, 4 апреля, Большая зала Благородного собрания) филармонического Общества была посвящена произведениям С. В. Рахманинова. Первоначально объявленная программа этого концерта потерпела большие изменения, сильно понизившие ее интерес. Впервые, и симфоническая поэма «Утес», и кантата «Весна», замененные неоднократно исполнявшейся за последние годы Второй симфонией (e-moll), давно не появлялись в наших концертных программах, «Весна» же исполнялась только один раз, так что прослушать их было бы очень интересно; а во-вторых, эти два произведения вместе с симфонической поэмой «Остров мертвых» и новым концертом (d-moll, op. 30) для фортепиано с оркестром дали бы отличную картину развития дарования нашего талантливого композитора.

В симфонической поэме к картине Бёклина «Остров мертвых» рассыпана масса гармонических красот; красиво, колоритно она инструментована, но бёклиновского покоя смерти мы в ней не найдем: первая же фраза струнных, постепенно расширяющаяся и составляющая главную основу поэмы, носит на себе оттенок активности, отпечаток глубокой скорби и вздохов. Но если отрешиться от Бёклина, то поэму эту надо назвать чрезвычайно удачной. Еще лучше, еще задушевнее новый, третий по счету фортепианный концерт Рахманинова. Здесь ярко отразились лучшие стороны его творчества, искренность, простота и ясность музыкальной мысли. Богатства гармонии и контрапункта, нигде не режущие ухо, ибо вся ткань этого произведения развивается свободно и плавно; свежесть вдохновения, не стремящегося открывать новые пути; ясная лаконичность формы и простая, но яркая инструментовка, вот качества, обеспечивающие новому произведению Рахманинова и внешний успех, и

прочную любовь музыкантов и публики. Будет удовлетворен и любитель новизны, потому что первая часть, *Allegro ma non tanto*, оригинально задумана: здесь нет обычного в сонатной форме противоположения двух главных контрастирующих тем; обе главные темы проникнуты элегическим и вместе с тем светлым настроением, которое так удастся Рахманинову. Вся первая часть выдержана в мягких, теплых тонах, обе темы просты, ясны, задушевные, а их развитие логично и не страдает вычурностью, надуманностью. Первый, юношеский концерт Рахманинова написан в стиле концерта виртуозного, где фортепиано и оркестр противостоят друг другу; второй его концерт написан как бы для оркестра, и фортепиано получило здесь роль только первого, главного инструмента; новый концерт написан для фортепиано, и партия оркестра отходит на второй план, причем почти везде кроме заключения оркестровые краски взяты завуалированными, матовыми.

Форма первой части вполне пластична и не страдает столь обычной теперь громоздкостью, которой не избежал и Рахманинов в своих фортепианной сонате и второй симфонии. Во второй части, *intermezzo*, господствующее настроение тоже спокойное, элегическое, но здесь уже больше жизни, больше подъема. Оркестр и фортепиано по-прежнему редко сочетаются вместе; в фортепианной партии, изложенной рахманиновски широко, рассыпана масса красок, но, видимо, она представляет для исполнителя много трудностей, вытекающих как из широкой манеры письма, так и из привычки Рахманинова давать красивые контрапунктические разрисовки. Финал маршеобразного характера с грандиозным подъемом заключительного мажора. На концертной эстраде этот красивый по музыке, яркий по ритму и наиболее эффектно изложенный финал должен иметь наибольший успех. Однако при первом исполнении и после поэтичной первой части много аплодировали, а после окончания концерта устроили автору, отлично его сыгравшему, целую овацию. Общее впечатление, конечно, очень выиграло бы, если бы оркестр шел стройнее, ритмичнее, но ввиду того, что дирижер г. Плотников только на днях получил в свое распоряжение авторскую рукопись, с некоторыми промахами нужно примириться... «Остров смерти»¹ и симфонию провел сам автор, причем в его передаче симфония оставила неизмеримо лучшее впечатление, чем в передаче А. Никиша, исполнившего ее недели две назад. У Никиша с гораздо большим блеском прошли *Allegro molto* (*scherzo*) и финальное *Allegro vivace*, но зато он затянул темпы вступления (*Largo*), первой части и *Adagio*. А так как эти части, несмотря на великолепные музыкальные мысли, положенные в их основу, несколько (и даже очень!) растянуты, то у Никиша они показались томительными. К тому же Рахманинов, удачно выделяя удивительно красивые детали гармонии, оркестровки или ловкую игру контрапункта, примиряет с длиннотами, скрадывает их... Весь вечер Рахманинова горячо принимали, что, конечно, очень понятно и естественно: искренность его творчества, свежесть дарования, соединенные с мастерством, нигде не самодовлеющим, не показным, всегда привлекают к нему симпатии и широкой публики, и специалистов-музыкантов, а вновь исполненный концерт, несомненно, займет видное место в венке рахманиновского творчества.

¹ Так в то время часто именовали симфоническую поэму С. В. Рахманинова «Остров мертвых».